

Каким мы сегодня видим Константинопольский Патриархат?

Дарко Джого, Ставрофорный протоиерей, доктор богословских наук, профессор Православного богословского факультета имени святого Василия Острожского Университета в Восточном Сараево

В одной недавно опубликованной статье на сербском языке я высказал очень простую мысль, которая многим показалась интересной: *«Фанар сегодня следует воспринимать скорее как офис Государственного департамента США, нежели как поместную Православную Церковь»*. Некоторые мои друзья и знакомые, однако, обратили моё внимание на отчётливую резкость высказанной позиции.

«Разве это не слишком строгое суждение о мученической Церкви, которая и сама существует в не очень благоприятных обстоятельствах?» Мы живём во время постмодернистского контраста: в культуре современного общения от собеседников часто требуется определённая «изысканность», склонность к эвфемизмам и двусмысленным фразам, в то время как в публичном дискурсе всё чаще слышится невообразимая нецензурная лексика. Поэтому, я предпочитаю вневременное отношение к истине, по определению Аристотеля: говорить о том, что сущее есть, а не-сущее не есть. Так и говорить. Итак, вопрос правильности моего высказывания лежит не в «нормальности» и «конвенциях», а в адекватности сказанного вопреки тому, что является истиной.

Каким образом Константинополь представляется нам сегодня? Конечно, мои друзья и знакомые, которых всё ещё заботят мнения и действия Патриарха Варфоломея и других фанарских сановников, предпочтут представить Фанар так, как его чаще всего изображают другие: это история о древней кафедре святого апостола Андрея, поместной Церкви, бесперерывно существующей уже, казалось бы, два тысячелетия. Конечно, любой, даже поверхностный знаток церковной истории Православной Церкви, мог бы по праву возразить почитателям Фанара: до конца никогда не было понятно, как всё-таки константинопольская кафедра относится к весьма тёмным страницам собственной истории, к периодам, когда на кафедре Патриарха Варфоломея сидели создатели ереси?

Патриарх Варфоломей I

Святой апостол Андрей Первозванный.
Книжная миниатюра, Византия, XII в.

Если ответ на этот вопрос, скажем, просто отрицательный, если мы имеем в виду Нестория или Пира, тогда каким образом сегодняшний Фанар относится к, скажем, патриархам, занимавшим константинопольский престол в период между Флорентинским собором в 1439 г. и падением Константинополя в 1453 г.? Интересную историческую перспективу предлагает нам следующий факт: несмотря на то, что патриарх Геннадий Схоларий после падения Константинополя окончательно прервал унионистскую политику своих предшественников, сама кафедра не признала законность решения Русской Церкви отделиться от заблуждающихся во время унионистского правления Константинополя. Являются ли сегодняшние константинопольские патриархи наследниками тех умерших в единстве с Римом? Впрочем, быть может, сегодняшняя церковно-политическая линия Фанара вполне соответствует той позиции, согласно которой сегодня кафедра является легитимным наследником патриархов-унионистов.

Султан Мехмед II вручает Патриарху Геннадию фирман с подтверждениями патриарших привилегий

Флорентийская уния 1439 г.

Кроме того, есть ещё один фактор, связанный с сущностью и миссией Фанара сегодня. Об этом говорят сами греки. Это миссия продвижения и сохранения единства греческой культуры и поколения (генос). Даже когда я спрашиваю греков, которые весьма критически относятся к действиям патриарха Варфоломея, почему же они не прекращают общение с людьми, которые противоречат своим же словам, они часто отвечают, что знают об ошибочности политики Фанара, но считают, что прекращение общения с ним обозначало бы дезинтеграцию того греческого мира, для которого Фанар – один из признаков идентификации, один, но, может, и важнейший центр идентификации греков.

Конечно, такая позиция полностью понятна, но в таком случае также очевидно, что не может быть никакой «вселенской патриархии», а есть «панэллинская патриархия». Готовность Фанара уничтожить свободу двух славянских Церквей – сербской Печской Патриархии и Охридской архиепископии в 1766-1767 гг. под властью Османской империи свидетельствует, что этот слой его идентификации в течение нескольких веков представляет чрезвычайно важный ключ к толкованию определённых процессов и процедур. Конечно, сегодняшний Фанар склонен не только к селективному упоминанию фактов (к примеру, об истории предоставления автокефалии славянским церквям, забывая, что он сам пытался полностью ликвидировать эти церкви), но и к определённому языку («мать-Церковь» – «дочь-Церковь»). Итак, эта панэллинская идентификация Фанара означает, что мы в истории уже видели примеры антиславянских настроений и действий и поэтому не удивимся, если увидим их вновь.

Печский патриарший монастырь

Охридская архиепископия в 1020 г.

Циничный взгляд на собственную историю сегодня имеют официальные историки Фанара, которые убеждают нас, что беды, выпавшие на историческую кафедру апостолов в течение отоманского ига, и изобильная помощь московских царей представляли достаточную и уважительную причину уступить, а точнее сдать в аренду Киевскую кафедру Москве во время тюркократии и самодержавия.

Согласно этой версии собственной истории, появившейся в самом Фанаре, с моральной точки зрения было абсолютно нормально обеспечить Москве «нарушение канон» при условии, чтобы у неё были денежные средства на это! Может ли слово кого-либо другого быть более убедительным для Фанара? Может ли нам что-нибудь другое яснее говорить о недостатке малейшего стыда и морального стандарта в Фанаре сегодня, о царящем тумане там? Вряд ли. К тому же, Фанар ведёт себя именно как «единственный адрес» в мировом Православии сегодня, когда речь идёт о «сетевых», т.е. глобальных структурах. Возможно, речь идёт не о вселенской, а «Глобалистской патриархии». Причины этого симбиоза существуют во многих аспектах. Как и первый Рим, Второй решил первенство чести и любви претворить в первенство власти: оправдание этому никто не сможет найти ни в сущности Православной Церкви (соборность которой сопротивляется любому окостенению «папизма» в ней), ни в канонах, вытекающих из этой соборной сущности. Поэтому власть, которую Фанар черпает из глобальных центров влияния, является «заимствованной», т.е. такой, какую кто-то даёт вам за определённую цену. А цену этой власти мы уже видим на Украине. Она оплачивается страданиями истинной Церкви Христовой.

Конечно, мы не должны забывать, что огромная часть настоящей паствы Фанара состоит из

богатой греческой эмиграции, особенно её плутократии, которая полностью интегрировавшись во все западные проекты. От эпохи Просвещения и масонства до «нового мирового порядка», различные судовладельцы и купцы, «православные» благотворители и спонсоры Фанара участвуют, как выразился святой Иустин Попович, в «Европе без Христа, в арианской цивилизации». Поэтому этот симбиоз НАТО и Православия может привести только к разрушению: как для нас, подвергающихся нападению, так и для самого Фанара.

Богословие Фанара уже полностью превратилось в некую идеологию, в которой каждая из социальных программ «Нового мирового порядка» находит своё «богословское» обоснование и оправдание. Будь то изменчивое отношение к гендеру и гендерной идентичности, или сложные проблемы американской социальной политики или продвижение «зелёного патриарха», Фанар всегда оказывался на одной линии с «глубинным государством». Сознательно и гордо. Следовательно, тот факт, что Фанар – идеологическое отделение Государственного департамента США, больше оскорбляет людей, которых Фанар обучил в наших поместных Церквях, чем греческих митрополитов, которые свои заявления и своё «богословие» устраивают в соответствии с текущим идеологическим и политическим курсом, исходящим от Вашингтона.

Как же тогда относиться к Фанару сегодня? Должны ли мы видеть в нём древний патриархат, панэллинское учреждение или офис по уничтожению Православной Церкви под прямым контролем Государственного департамента?

Иоанн Златоуст.
Книжная миниатюра, Греция, XVII в.

Фотий I (патриарх Константинопольский)

Сегодня за Фанар говорят его дела. В настоящий момент он действует исключительно как офис

Государственного департамента, он реализует эту повестку дня в греческих церквях благодаря авторитету панэллинского института и маскирует всё под видом древнего патриархата. И это вся правда. Когда сам Патриарх Варфоломей и его последователи откажутся от такого поведения и убедят нас, что они, в первую очередь, – хранители Православия, свидетели страданий и воскресения Христа, достойные наследники святого Иоанна Златоуста, Фотия Константинопольского или, по крайней мере, великих патриархов – они найдут в нас братьев такими, какими они оставили нас, когда вступили на путь, по которому идут сегодня.

Перевод на русский Мила Матич

Источник: <https://mospat.ru/ru/authors-analytics/88130/>